

вещ в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Несчастливец в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов

I
"Que font quelques femmes? Elles babillent, s'habillent et se deshabillent", {Что делают некоторые женщины? Они болтают, одеваются и раздеваются (франц.).} - сказал Панар; истина неоспоримая, которая была бы еще выпуклее, если бы почтенный автор слово quelques {некоторые (франц.).} заменил членом les {здесь: все (франц.).}... Не говорите мне о постоянстве женщин, о том, что они способны на всё великое и прекрасное, о самоотвержении и героизме их: не верю, тысячу раз не верю... Женщина создана для шутки; есть не что иное, как шутка; жизнь ее замысловатая шутка, страсти ее - шутка, и способна она на одни великие мелочи, на одни шутки!.. Не говорите мне, что она в состоянии понять высокую, фанатическую любовь мужчины: она притворяется, что понимает ее; мужчина верит ей на слово и скоро узнаёт, что то была новая шутка!.. Я ненавижу женщин и смело сознаюсь в том, не боясь мщения прекрасного пола.

Но не так легко искоренить заблуждение веков одними словами, без доказательств, и потому, как человек, постигающий всю важность предпринимаемого подвига, представляю я на суд всех благомыслящих людей неоспоримые доказательства того, что утверждаю; они не придуманы, по взяты из жизни вашего покорнейшего слуги, который имей равную с вами глупость даваться в обман и быть игрой женщин более, чем кто-либо...

Рано задумал я об женщинах, рано заговорило во мне сердце, рано почувствовал я потребность любви и необходимость женского пола для совершенного счастья человека. Еще ребенком, на школьной скамье, под скучные лекции тощего профессора, уже мечтал я о черных и голубых глазках, русых, белокурых и каштановых кудрях, губках и носиках всех калибров, ножках и ручках всех форм и размеров, - мечтал, а детское сердечко так и колотило под казенную курточку, и глаза, устремленные в тетрадь геометрии, в треугольниках и пирамидах видели идеалы, которые создавало шаловливое воображение!.. Но рано тоже узнал я, как накладны для сердца, ума и тела подобные мечты: но милости их я никогда не знал заданного урока; вместо ученых записок профессора писал стихи всех возможных размеров, на все возможные темы; вместо геометрических фигур чертил одни носики, глазки и головки, - и всё это влекло за собою очень неприятные для меня последствия... Но, как поэт, я стоял выше обыкновенных смертных, с презрением и отчаянною твердостью простаивал по неделе за штрафным столом и, питаясь сладкими мечтами, довольствовался в сущности хлебом и водою, с стоическим хладнокровием выслушивал длинные убедительные речи инспектора и только кусал губы от досады при антиязвочных выражениях оратора. Но даже еще в ребячестве я не довольствовался одними мечтами; я жаждал осуществления их и в каждом хорошеньком личике видел свой идеал, вспыхивал, томился, вздыхал, писал нежные записочки на розовых бумажках, с бездною точек и восклицательных знаков; но, к немалой досаде влюбленного юноши, "идеалы" его не понимали, не умели ценить страсти поэта; иные, более сострадательные, улыбались, другие, менее идеальные, хмурили брови и надували маленькие губки, иные, более прозаические, даже изустно объявляли свое негодование в выражениях, которые сильно действовали на мое самолюбие и вместе с тем показывали всю полноту их невежества; одна даже - о, стыд и срам! - не довольствуясь личным выговором, пожаловалась своей маменьке, а та инспектору, а тот... С тех пор долго-долго не мог забыть я глубокой раны, нанесенной моему сердцу; пылкость моя упала на точку замерзания...

Наконец я, благодарение аллаху, кончил бесконечный курс учения; я получил свободу... Очертя голову кинулся я в вихрь света; в каком-то непонятно сладостном опьянении вертелся в неистовом вальсе наслаждений или мчался в бешеном галопе страстей... Отуманенный счастьем, я не в силах был остановить ни мысли, ни взоры исключительно на одном предмете; мне хотелось зараз стиснуть в своих объятиях всё человечество, влюбиться во всех женщин, вспыхнуть пламенем страсти, сгореть в нем, превратиться в пепел и разлететься от жаркого дыхания красавиц... Мало-помалу мысли мои пришли в порядок; сердце стихло, как природа стихает перед бурей; глаза, утомленные пестротой, искали предмета, на котором бы могли отдохнуть, - я был на той степени чувства, с которой переступаешь на степень любви... Я стал замечать, что всех женщин было бы для меня даже много.

венец в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov
Недолго искало себе сердце повелительницы: оно поверглось к ногам семнадцатилетней девушки и поднесло ее неземной красоте весь пыл свежего сердца... А если бы вы знали, как хороша была моя Софья, как лучезарна была красота ее белокурой головки с томными голубыми глазками, смеющимся ротиком и прозрачными щечками, слегка наведенными румянцем утренней зари. Она была мила как ребенок, обворожительна как гурия, легка как перышко колибри; и мне ли, с моим ли сердцем можно было противостоять владычеству ее красоты? Она рабски влачила по следам ее, когда она носилась бабочкою в вихре вальса, порхала райскою птичкою под музыку мазурки или плавала золотою рыбкою под звуки контрданса. Я следовал за нею; как тень был на всех вечерах, гуляньях, в театрах – везде, где была она, так, что она не могла ступить шагу, не встретившись со мною... Любовь находчива; для нее преград не существует – я вошел в дом родителей Софьи. Я не говорил вам еще, что Софья была единственною дочерью одного из богатейших купцов, получила блестящее воспитание в известном модном пансионе и была идолом своего старика-отца, который, однако, несмотря на безграничную любовь к дочери, не отступая ни на шаг от обычаев почтенных предков, считал выбор жениха неоспоримым правом и священным долгом отца...

Вы, верно, знаете по себе, как бывают уверены в своих достоинствах молодые люди, только что вышедшие из-под федулы учителя, и потому не удивитесь, что я, нисколько не колеблясь и не подозревая неудачи, объявил почтенному батюшке Софьи о привязанности к его дочери и о намерении соединиться с нею узами законного брака... Но, увы! батюшка Софьи не разделял со мною мнения о моих личных достоинствах, не принял в уважение ни моей любви, ни моей будущей славы (я был уверен, что со временем непременно прославлюсь) и отказал наотрез, основываясь на глупых отговорках, что я губернский секретарь и получаю всего шестьсот рублей жалованья, – будто гению нужны высокий чин и большое жалованье!! По, несмотря на неосновательность этой причины, ни на мои доводы, доказательства и убеждения, упрямый старик стоял на своем и кончил тем, что, вышед из терпения от моей неотвязчивости, довольно невежливо попросил меня убраться и избавить на будущее время от своих визитов. Что мне было делать? И был на вершине отчаяния, я покушался на жизнь свою, и, уверяю вас, от моей горячей головы это бы легко случилось, если бы письмо моего ангела-хранителя, Софьи, не спасло меня от этого преступления.

"Mon ange, {Мой ангел (франц.)} – писала она, – хотя я не в силах противиться воле отца и потому никогда не могу быть твоею, по, несмотря на то, сердце мое будет принадлежать одному тебе; тебя одного люблю, любила и буду любить!.. Утешься, милый друг; неужели нельзя быть счастливым на земле чистой, идеальной любовью? Я привыкла видеть в тебе человека, нисколько не похожего на других, способного понимать меня, – неужели я обманывалась?.. Будь мужем, люби меня идеально и не теряй надежды на соединение если не тут, то там!.. Твоя навек Софья".

Это письмо, разумеется, было бы плохим утешением теперь, по тогда, когда все предметы видел я не иначе как сквозь призму поэзии, – оно остановило порыв отчаяния.

Но скоро почувствовал я, что этой идеальной любви для меня недостаточно, что мечты не в состоянии утолить жажды взаимности, что поцелуи подушки не в силах утишить взрывов страсти... земное вкралось в небесное, и я снова искал сближения с своим идеалом... Но отец Софьи с неутомимостью наблюдал за дочерью, и я не мог улучшить минуты, в которую мог бы перебраться с нею парю слов...

Видя бесполезность своих исканий, я задумался... Злая мысль запала в мою голову... Она не покидала ни на минуту, мучила, душила меня... Я решился на гнусное средство: приискать Софье мужа!.. Какой-то адский дух помогал мне в этом плане – он указал мне на моего школьного товарища и друга, сына богатых родителей и вдобавок гусарского корнета. Я опутал его сетями дружбы, вдохнул в него мысль о женитьбе, раздувал, укоренял ее, так что наконец он так сроднился с нею, что считал ее своею. Тут я натолкнул его на Софью, как Иуда продавал любовь свою за порочные надежды в будущем. Красота Софьи поразила его, он посватался, отец ее согласился, Софья не имела силы, а может быть, и по хотела противиться воле отца, – и через месяц она стояла уже с своим женихом перед брачным наложником, и я, ее возлюбленный, держал венец над головою своего друга!.. Софья с изумлением смотрела на мои поступки; она дивилась моему самоотвержению, моей твердости – она уважала меня.

век в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov@tomskiy (имя моего друга) по женитьбе оставался по-прежнему моим другом; он привязался ко мне еще более и с детской доверчивостью делился со мною избытком счастья, причину которого считал меня. Каково было мне слушать его – судите сами; и я слушал, притворялся, что радуюсь его счастью, и в то же время медленными, осторожными шагами приближался к предположенной цели. Сначала, в беседах с Софьею, не было и в помине любви; далее по временам промелькивали воспоминания прошедшего, там жалобы на судьбу, на свое несчастье на свои страдания и т. д. Софья слушала меня, верила мне сожалела, утешала – и только... Терпение мое истощалось, я положился на неопытность и любовь ко мне Софы и стал действовать открытее. Софья поняла меня. И кроткая семнадцатилетняя женщина одним взглядом, одним словом разбила вдребезги все планы, которые строились в продолжение нескольких месяцев под руководством страсти... Софья поняла всё: она увидела, как искусно опутывал я сетями коварства ее добродетель, ее волю. Двери дом; друга моего закрылись для меня...

Стыд, раскаяние, досада, бешенство, любовь разрывали сердце мое на части; мне должно было бежать Софы, бежать воздуха, которым дышала она, бежать себя самого, своей страсти, – и я хватаюсь за первое попавшееся по руку средство: прощу перевода в Москву и через неделю сказав прости Петербургу, Софье и своей любви, скачу очертя голову по московской дороге, оставив за собою толпу мечтаний, надежд и планов... Пылкость души моей упала опять к точке замерзания!..

II

Москва славится калачами и невестами – дело известное. Дорога поохладила припадок отчаяния; рассудок стал робко подавать голос о своем существовании; он толковал мне о твердости и развлечении – советы, при тогдашних обстоятельствах не совсем дурные, – и я спешил воспользоваться ими. Услужливость одного школьного товарища, постоянного жителя Москвы, и фактиче-вкое радушие москвитян очень пособляли мне в исполнении этого намерения. Не прошло и двух месяцев, а я, к стыду моему, отуманенный ароматическою атмосферою балов и легионами красавиц, почти совсем забыл и свое несчастье и свою идеальную Софью. Вы, может быть, подумаете, что страсть, забытая так скоро, была несправедливо принимаема мною за любовь; в таком случае вы очень обманываетесь: то была любовь, любовь в том самом виде, в каком это чувство впервые названо любовью. И между тем я все-таки забыл Софью. Сердце мое, по прихоти случая, создано так, что с невероятною легкостью воспламеняется от пары хорошеньких глазок, но охлаждается еще быстрее, для того чтобы воспламениться от дуновения новой страсти. У Лунского, одного из известнейших хлебосолов Москвы, был вечер для встречи нового 18.. года. Общество было многочисленное и блестящее; в хорошеньких личиках не было недостатка; но среди этого роскошного цветника роз одна была пышнее, ароматнее своих прелестных подруг, и взор наблюдателя, скользя по цветистому ковру, с изумлением останавливался на головке, принадлежавшей Лидии Карно, лучшей розе цветника красавиц этого вечера. Лидия была двадцатилетняя супруга шестидесятилетнего подагрика с тремя тысячами душ, фиолетовым носом, звездой и огромною лысиною. Все эти личные достоинства Карно придавали ему большой вес в обществе; но красота Лидии была чуть ли не главным из этих достоинств, и почтенный супруг, хорошо зная это, не упускал случая пощеголять своею собственностью. На всяком порядочном вечере он был непременно рыцарем зеленого поля, а жена его божьею карою за грехи всем лицам и личикам женского пола!..

Но злоба матушек, злословие тетюшек и зависть дочек и жен еще более придавали Лидии интереса в глазах блестящей молодежи. Все вились около нее, как рой пчел около улья, жужжали комплиментами, стреляли холостыми зарядами вздохов, полупризнаний и глазок, осмеивали друг друга, и все были равно счастливы, или, вернее, равно несчастливы: Лидия со всеми была равно благосклонна, со всеми равно мила и ни с кем – коротка. Лидия была, как и все женщины, хорошенькие и дурные, начиная от прабабушки Евы, кокетка!.. Несмотря на неудачные попытки столь многих, я, с свойственною мне самоуверенностью, смело приступил к атаке, следуя влечению сердца, которое давно уже било тревогу.

Лидия слушала меня с приметною рассеянностью: в этот вечер она была скучнее обыкновенного. Но сердце понукало меня, самолюбие подстрекало, рассудок обнадеживал, – я не робел. Я преследовал ее похвалами, восторгами, комплиментами, вздохами – я был чертовски красноречив, и неудивительно: во мне говорило сердце; наконец, увлекшись блестящим фейерверком мыслей и чувства, она сделалась внимательнее, благосклоннее; милая улыбка заиграла на ее коралловых губках; ее личико воодушевилось жизнью, в глазах заискрилось чувство, – она была очаровательна. Демон самолюбия и страсти поджигал меня более и более; я

вещ в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov
становился смелее и смелее, она делалась благосклоннее и благосклоннее.

Зоркие глаза зависти успели уже заметить это, и на каждом шагу встречал я долгие, уморительные физиономии, на которых ясно были написаны худо скрываемая злоба и досада и нескрываемая насмешка. Я торжествовал. Но кто вообразит себе восторг, блаженство – нет, не то – какое-то особенное, сверхъестественное чувство, не выразимое слишком холодным, пошлым, материальным языком человека, чувство, близкое к безумию, каплю, в которую перегнаны все лучшие наслаждения жизни, – одним словом, что почувствовал я, когда гордая, холодная, непобедимая Лидия своею крошечною ручкою с трепетом страсти сдавила мою неуклюжую, прозаическую руку?.. Какой-то туман набежал на глаза мои, какой-то хаос завьюжил в голове, какой-то огонь охватил сердце.. я готов был вскрикнуть от неизъяснимой, пронзительной боли; мне чудилось, что все мои нервы готовы лопнуть от напряжения; я страдал – и, несмотря на то, я желал бы пострадать еще хоть минуту этим чувством, чтоб умереть от избытка счастья.. Всё это продолжалось не долее одного мгновения; я взглянул в глаза Лидии, и они сказали мне, что то был не обман чувств, не сон, не случай; что рука ее была проводником сердца, наэлектризованного страстью!..

– Верить ли мне своему счастью? – едва проговорил я, задушаемый приливом крови.

– Молчите! – прошептала она.– За нами наблюдают. Еще новичок в обществе, я по успел постичь трудной

науки маскировать чувства; следуя инстинктивному влечению, быстро взглянул в сторону, – и глаза мои встретились с глазами одного офицера. Я не вынес его взгляда: огонь глаз его прожег мое сердце. Легкая улыбка пробежала по лицу Лидии; вероятно, я был очень сметой в эту минуту.

Кадриль кончилась (всё это происходило в продолжение одной кадрили); я намереваюсь поместиться сзади стула Лидии, но короткое "на минуту", сказанное офицером, принудило меня оставить свой завидный пост и последовать за ним на другой конец залы.

– Что у вас было с нею? – сказал он глухим голосом, стискивая н своей железной руке мою бедную руку.

– Вопрос довольно неуместный, – отвечал я, собравшись с духом, – и не совсем вежливый, – присовокупил я, оправившись от невольного страха.

– Что у вас было с Лидиею Александровною? – повторил он, не обращая внимания на слова мои и стиснув мою руку сильнее прежнего.

– Какое вы имеете право спрашивать меня об этом, – отвечал я, выходя из терпения, – пустите меня.

– Ты негодяй – слышишь? – сказал усач, сверкая своими страшными глазами.

– Да как вы смеете? да знаете ли, что за это вас...

– Завтра мы с вами увидимся, – прервал он меня, – ваш адрес!

– На что вам?

– Ваш адрес, говорю я!

И я машинально, как бы под влиянием какого-то волшебства, опустил в карман руку и вынул карточку. Он вырвал ее из руки моей и оставил меня, ошеломленного от неожиданности этой сцены. Оправившись от смущения, я бросился отыскивать в толпе гостей Лидию, но все поиски мои были безуспешны: во весь остаток вечера я по встречал ни Лидию, ни усатого соперника. Грустный и встревоженный происшествиями вечера, возвратился я домой, и долго-долго не мог заснуть, мечтая о неожиданном счастье, которое послало небо на мою долю. Прелестное личико Лидии и страшное лицо офицера попеременно представлялись разгоряченному воображению; странное деялось со мною: я то вздыхал, то хохотал, то начинал жаркое любовное объяснение, то вступал в жестокие прения об оскорблении чести. Наконец, утомленный душевным волнением, я забылся...

И каких снов не переснилось мне в эту ночь! Я пережил в нее несколько лет, редких, завидных лет счастья. И во всех этих дивных созданиях разгоряченного воображения главным предметом была она, милая, очаровательная Лидия; то являлась мне она окруженная каким-то чудным блеском и с улыбкою ангела простирала ко мне с недосыгаемой высоты свою маленькую прозрачную ручку; то лежала на груди моей с страстным лепетом на устах; то, поправляя мои волосы, умоляла меня голосом, глубоко проникавшим в душу, не покидать ее, и я, осыпая поцелуями ее бледные щеки, омоченные слезами, клялся в вечной преданности. И вот вдруг является перед нами длинное, страшное привидение, вырывает ее из моих объятий и, увлекая ее с собою в ужасную бездну, с адским хохотом говорит мне: "Мы с вами увидимся!" Не знаю, долго ли бы еще продолжались эти сновидения, если бы громкий стук не разбудил меня. Первый предмет, представившийся глазам моим, был мой противник... Я протирал глаза, считая это продолжением ночных видений, но образ офицера не исчезал: он стоял подле меня, и бледное лицо его, растрепанные волосы и сверкающие глаза приводили меня в ужас.

– – Но долго ли это будет продолжаться? – воскликнул он наконец с сердцем. – Я не люблю подобных шуток, милостивый государь! Мне надобно стоять у вашей кровати и смотреть на вашу глупую физиономию. Я не намерен более дожидаться – едемте, мы будем стреляться без свидетелей: к чему они, – один из нас должен остаться на месте!

Я вскочил с кровати и всё еще, протирая глаза, с недоумением смотрел на офицера.

– – Стреляться? с кем стреляться? – бормотал я, не понимая сам, что делается со мною.

Как ни ожесточен был мой противник, но не мог удержаться, чтоб не захохотать.

– – Разве вы забыли о вчерашнем вечере? – спросил он наконец, принимая прежний вид.

– – О вчерашнем вечере? Но разве я вас чем-нибудь обидел? Помнится еще, что вы...

– – Вы трусите? – закричал усач. – Знаете ли, как называют труса? – подлецом, да, подлецом, которого должно заставить палкою, если он отказывается от благородного вызова. Я вас заставлю стреляться, слышите ли, я вас заставлю...

Я уж не спал. Я очень хорошо понимал слова офицера... Драться, драться мне, невинному истребителю бумаги и чернил, который отроду не имел в руках ни шпаги, ни пистолета... И что такое дуэль? Глупость, величайшая глупость, недостойная образованного человека: она противна религии, потому что заповедь гласит "не убий", противна нравственности, потому что основание ее – мщение, а мщение безнравственно; дуэль противна правосудию, потому что успех зависит от запальчивости или искусства противников; дуэль противна всем правилам общественного порядка, которые не позволяют самому чинить расправу; дуэль вещь нелепая, потому что часто невинный лишается жизни единственно оттого, что дерзкая отвага или искусство противника выше отваги или искусства его; наконец, дуэль ничего не доказывает, потому что удар шпаги или выстрел пистолета не докажет невинности того, кто виноват, справедливости того, что ложно... Однако, несмотря на все эти прекрасные мысли, которые в продолжение одной секунды перетолпились и голове моей, слова офицера так сильно задели меня за живое, что я, отложив в сторону философию, с гордостью, приличною человеку, чувствующему нанесенную ему обиду, сказал своему сопернику: "Милостивый государь, вы забываете, что грубость не принадлежит к числу отличительных качеств образованного человека. Не вы должны требовать у меня удовлетворения, а я – я обиженный!.. В доказательство же, что я не заслуживаю названия труса, я требую удовлетворения и, как обиженный, предлагаю условия: мы стреляемся в трех шагах".

– – Тем лучше, – отвечал он с дьявольским хладнокровием, – но будет промаха. Итак, едем!

– – Но пистолеты?

– – Они здесь, – сказал он, выставляя из-за шинели пистолетный ящик.

Я стал одеваться.

век в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov

В передней раздался звонок. "Письмо, сударь", – сказал человек, подавая мне красиво сложенную раздушенную записочку. Я взглянул на адрес: Андрею Ивановичу Гронову. "Кто принес это письмо? оно не ко мне".

Офицер, взглянув на адрес, вырвал записку из рук моих, с поспешностью распечатал и жадными глазами впился в мелко исписанный листок.

Мгновенно выражение лица его совершенно изменилось: улыбка зашевелилась на его губах, глаза заблестали радостью.

– Милостивый государь, – сказал он, обращаясь ко мне, – я виноват перед вами; стыжусь своей запальчивости и прошу у вас извинения в нанесенной вам обиде. Впрочем, если этого для вас недостаточно, я не прочь от удовлетворения.

Изумленный неожиданною переменою в обращении офицера, я пробормотал не помню что; он взял меня за руку, пожал ее с каким-то двусмысленным выражением лица и оставил меня рассуждать на досуге о чудесах, которые творятся со мною. Но недолго я оставался в недоумении; скоро насмешливые взгляды и урывчатые фразы, долетавшие со всех сторон до ушей моих, объяснили мне всё дело: я был жалкою игрушкой женщины. Офицер успел, еще до появления моего в московских обществах, завоевать сердце прекрасной Лидии Александровны Карно. Ревнивая, как и все женщины, она не выпускала из виду своего возлюбленного; ей показалось, что Тронов сделался к ней холоднее, и вот, боясь лишиться его навсегда, она сочла бесполезным прибегнуть к одному из обычных маневров женщин: возбудить в нем ревность. Ей нужна была для этого какая-нибудь жертва, и я был этою глупою жертвою!

Нет! на этот раз мне не нужно было бежать за шестьсот верст, чтобы заставить сердце забыть его идола: любовь превратилась в ненависть, в ненависть бешеную, глгучую, еще сильнейшую, чем была ее предшественница. И все-таки я должен был бежать из Москвы, если не хотел быть игралищем молвы, оселком, на котором всякий пробовал свое остроумие, шутком общества, – и я через несколько дней, проклиная себя, любовь, ревность, женщин и любовников, мчался в Варшаву, напутствуемый гулом колоколов, которые казались мне насмешливым хохотом старушки над глупою ролью, которую заставили меня разыгрывать на потеху добрых людей!

III

Есть в мире отрада лучше всех отрад, добрый друг – посланец небес для утешения бедствующего человечества, этот верный друг – надежда. Она не покидала и бедного Грациозо, она заживляла раны сердца, изъязвленного неудачами, и оно, ослабшее, обгорелое от страстей, всё еще билось отрадным авось! Но женщины утратили уже много прежнего блеска в глазах моих; я смотрел на них уж не с тем благоговением, слушал их не с тем безотчетным верованием, любовался ими не с тем безграничным восторгом – я был уже на пути к разочарованию: к прекрасному в чувствах самовольно примешивалось досадное сомнение; поэтический туман, в который облекало женщин детское воображение, редел, и я начинал чувствовать положительность этого мира, начинал понимать, что поэзия находится не в нем, но в нас самих; что степень прекрасного в природе зависит от степени прекрасного в нашем сердце. Проза жизни начинала вытеснять из сердца поэзию мечты! Но я все-таки надеялся, хотя при встрече существ, которых считал почему-либо достойными осчастливить меня, я удерживал пылкость сердца силлогизмами рассудка, был осмотрителен, недоверчив, изведывал прежде ту, которую могло полюбить сердце, и кончал всегда тем, что говорил ему: "Погоди еще, эта недостойна тебя!" И оно, напуганное неудачами, слушалось, ждало и надеялось! Так прошло несколько лет, в продолжение которых я жил постоянно в Варшаве; и я всё еще был холост, а сердце свободно. Надежда соскучилась уже утешать меня и готова была оставить несчастливца на произвол судьбы, как случай поспешил спасти ее от неслыханного вероломства я тем сохранить ее репутацию: он натолкнул меня... но нет, позвольте рассказать всё по порядку.

С самого начала пребывания моего в Варшаве нанимал я квартиру у одной шляхтянки, вдовы какого-то Тпррм... Птрм... не выговоришь. Пани Марианна, как я называл ее, была женщина лет сорока, вертлявая, болтливая, услужливая и веселая, как и все польки. Я любил ее как родную и часто в минуту грусти делился с нею чувствами души моей, рассказывал ей похождения своей жизни, поверял ей надежды в будущем, желания, мечты – и, что всего более мне нравилось, никогда не встречал противоречий: пани Марианна слушала меня всегда со вниманием, с дружеским

вещ в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovn участвием, утешала, как могла, сватала даже невест, не сердилась на мою разборчивость, одним словом, мы жили с ней как нельзя дружнее. В числе многих ее знакомых была одна молоденькая вдовушка, о красоте которой отзывалась она всегда с особенным уважением и с которою, не знаю почему, никак не соглашалась познакомиться. Не полагаясь слишком на вкус моей хозяйки, я мало обращал внимания на похвалы ее означенной вдовушке и не настаивал слишком на том, чтобы поверить слова ее на деле. Прошло более года, а я даже и не видал ее. Но от того, что написано на роду человеку, не отмолишься, не отчужаешься. Вдовушке суждено было иметь большое влияние на жизнь мою, и я не избег ее. Однажды, бог весть с чего, хозяйка моя что-то особенно много толковала о красоте своей знакомки; но видя, что это на меня мало действует, стала убедительно просить, чтобы я отнес ей не помню какие-то йоты, говоря, что обещалась доставить их непременно в этот день, но что не имеет на то времени. У меня не было никаких причин уклоняться от этого, и потому, без всяких отговорок, согласился я исполнить ее просьбу. "Смотрите, берегите свое сердце!" - сказала хозяйка, прощаясь со мною. Я смеялся словам ее, не воображая, что то было роковое предсказание новых бед для сердца... О, если бы я никогда не относил нот к этой вдовушке!..

В Польше хорошенькие личики - не редкость; из десяти женщин, верно, девять если не красавиц, то по крайней мере миленьких... Но та, которую суждено мне было увидеть в этот роковой для меня день, красотой своею потемняла всех красавиц, до тех пор мною виденных. Я бы непременно описал вам ее, если бы в состоянии был вообразить себе ее дивный образ: время и горести ослабили мое пылкое воображение, и теперь она представляется мне темным кружком, который вертится перед глазами после того, когда долго смотришь на солнце. Итак, довольно сказать, что сердце, холодное уже в продолжение трех лет, при виде ее, не дожидаясь ни силлогизмов рассудка, ни моего разрешения, запылало давно забытым пламенем страсти, который охватил его тем с большим ожесточением.

Она встретила меня с милою, благосклонною улыбкою и, к немалой радости, явным образом старалась удержать меня у себя подольше. "Я так много наслышалась об вас от моей знакомки; она не может нахвалиться своим жильцом, - и это давно пробудило во мне желание короче познакомиться с вами. Но вы, по ее словам, такой нелюдим, так боитесь нас, женщин, - вы так несчастливы!"

Я отвечал ей не помню что, только, вероятно, какую-нибудь глупость, потому что мы всегда говорим глупости, когда хотим казаться умными. Но она слушала меня с неизъяснимым добродушием, была так ласкова, с таким неподражаемым искусством льстила моему самолюбию, с таким милым кокетством принимала от меня неуклюжие комплименты, которыми желал я отплатить ей за ее похвалы моему уму, моему сердцу, даже моей наружности (право, не лгу!), - что не прошло и часу с первой минуты нашего свидания, а я был уже прикован к ней неразрывной цепью страсти; она видела свою победу и с примерным великодушием простирала к побежденному руку милости!.. Если бы кто послушал нас, подумал бы, что мы знакомы уже несколько лет, так скоро сблизилась мы. "Смею надеяться, - сказала она, прощаясь со мною и дружески пожимая руку, - что вы позволите мне считать вас в число своих друзей, - их у меня так немного!"

Я кланялся, бормотал бессвязицу и еле-еле удержался, чтобы не упасть к ногам прекрасной вдовушки. Глаза мои, мое смущение высказывали ей ответ красноречивее слов, и она рассталась со мною, взяв с меня слово посещать ее как можно чаще... Нужно ли говорить, что я с примерною аккуратностию держал данное слово, что не проходило недели, в которую бы не провел вечера у обворожительной пани Францишки; что страсть моя с каждым свиданием разжигалась сильнее и сильнее, а прошедшие неудачи вспоминались реже и реже? Сердце болтливо, когда полно любовью, - а потому и очень естественно, что, не в состоянии долее таить свою любовь, я чувствовал необходимость высказать ее пани Францишке... По-видимому, она была приготовлена к этому заранее, потому что нисколько не изумилась, когда однажды, в пылу страсти, забыв нерешительность и страх быть отвергнутым, я высказал тайну сердца... Долго молчала она, и глаза ее, устремленные на меня, казалось, читали в глубине души моей; наконец на этих чудных глазах заискрились две алмазные слезинки, неземная улыбка заиграла на ее губах, и тихим, дрожащим голосом проговорила она: "Да, я люблю тебя!"

В каком-то бешеном исступлении я стиснул Францишку в своих объятиях; мы жили одною общею прекрасною жизнью - мы переливали друг в друга свои души, свои мечты, мысли, и время летело, унося с каждою минутою бездну счастья... Поздно

вещ в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov
вечером расстались мы для того, чтобы свидеться снова по наступлении утра. Францишке нечего было опасаться меня: моя любовь была слишком чиста, чтобы я решился воспользоваться слабостью обожаемой мною женщины. На другой день я предложил ей свою руку.

– Мой ангел, – сказала она, склоняясь головкою на плечо мое, – я слишком много перенесла в первое замужество: муж мучил меня, а свет обвинял жену, называл ее преступною и оправдывал тиранство варвара. Я терпела, я не жаловалась никому на свои страдания, на несправедливость людей. Наконец небо сжалилось надо мною – оно избавило меня от мужа. Я поклялась не выходить замуж вторично; но клятва, вызванная из сердца страданиями, – не клятва; я решаюсь нарушить ее для тебя, из любви к тебе. Друг мой! не допусти меня раскаиваться в своем решении, сделай меня счастливою, люби меня всегда, как любишь теперь; не обмани меня, не погуби меня! – Рыдания заглушали слова ее, я заграждал уста ее поцелуями, я плакал, плакал в первый раз в жизни от избытка счастья...

– Да, да! клянусь сделать тебя счастливою, клянусь любить тебя вечно, вечно!

Я жаждал обладать скорее Францишкою – через неделю церковь должна была соединить нас на всю жизнь.

Мечты человеческие, что вы такое? – как сказал один наш великий драматург, – одуванчик, который осыпается от малейшего дуновения случая; и мои мечты разлетелись, одулись и оставили один голый, грустный стебелек – воспоминание об них... Но без отступлений. Вы не поверите, если я скажу вам, что платок был причиною нового и едва ли не величайшего несчастья в моей жизни, и между тем это так же справедливо, как справедливо то, что я, шут-грациозо, не признаю в женщинах ничего великого и прекрасного. Да, простой, прозаический носовой платок открыл глазам, отуманенным страстью, пропасть, в которую готов был я кинуться... Вот как это было. Вне себя от избытка счастья, которым была переполнена душа моя после последнего свидания с Францишкою, бежал я домой, строя планы новой для меня жизни и любуясь цветистою, завидною перспективою будущего. Вдруг посреди этих сладостных мечтаний почувствовал я слишком прозаическую прихоть носа: ему захотелось чихнуть. Я хватаюсь за карман – пуст! Вероятно, я оставил платок у своей невесты, утирая им умиленные слезы, орошавшие мои ланиты... Я был еще недалеко от ее дома и, радуясь случаю еще раз поцеловать ее сахарные губки, ворочаюсь... Дверь в прихожую была незаперта, и я вошел в приемную, не быв замечен никем. Желая изумить Францишку неожиданностию, тихонько пробираюсь я к ее кабинету, отворяю притворенную дверь и – застаю свою невесту, свою ножную, пламенно любящую меня Францишку *tete-a-tete* {наедине (франц.).} с одним моим коротким знакомым в очень неутешительном для меня положении...

Вся кровь бросилась мне в голову, я обеспамятел и почти без чувств отшатнулся к простенку двери... Увидев меня, приятель мой несколько не смутился; напротив, подошел ко мне и дружески протянул руку. "Вот мило, ты как очутился здесь?" – сказал он смеясь. – О скромник! вот все вы таковы!.."

Я едва был в состоянии понимать его и в порыве бешенства едва не задушил презренного. "Негодяй, – воскликнул я, играя в свою очередь роль Гронова, – мы с тобой увидимся... Ваш адрес?" – продолжал я, забывая, что бывал раз двадцать на его квартире.

– Да что с тобой? – сказал он, изумленный моими словами. – В уме ли ты?

– Ваш адрес, говори! – воскликнул я, не обращая внимания на слова его.

– Послушай, ты знаешь – я не трус и никогда не откажусь от вызова; но, несмотря на то, драться с добрым приятелем и притом из-за... помилуй, на что это похоже?..

– Если вы желаете непременно знать причину моего вызова: знайте, что она моя невеста!

– Невеста, твоя не... причина, впрочем, довольно достаточная; но в таком случае вам, милостивый государь, предстоит довольно хлопот: вы должны будете иметь дело с порядочным числом обидчиков!

– Как?

вещ в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov

– – Как? так! – и он громко захохотал.

– – Как, францишка!.. – я взглянул на нее – клеймо порока напечатлено было на лице ее... францишка – боже той, боже мой!.. Я задрожал от бешенства и омерзения; слезы ярости брызнули из глаз моих – я бежал из этого проклятого дома, задыхаясь от горести и отчаяния...

И она, презренная, могла говорить языком ангелов, могла выжимать слезы из нечистых глаз своих, могла призывать небо в свидетели ее непорочности, – и небо не разразилось над нею своим праведным гневом, попустило ее ругаться над всем, что есть святого в этом мире! Женщины, женщины! если бы вы знали, что чувствовал я к вам в эти минуты!..

И между тем я грустил о потере этой надшей женщины; любовь моя к ней зашла слишком далеко; я досадовал даже на благодетельный случай, открывший мне глаза: мне жаль было любви своей! Разочарованный, я не ждал уже от мира ничего; я отрекся от радостей, от горестей, от надежды... Невыносимо тяжело было для меня бремя жизни, и я не имел силы разорвать этой длинной, тяжелой цепи, приковылавшей меня к земле... Внезапная мысль озарила уснувший рассудок: я надел косматую шапку и шашку и поскакал на Кавказ, обрекая себя на верную смерть...

IV

Нет, не верю вам, высокоученые психологи: есть в свете судьба, есть предопределение, есть что-то руководствующее свободой человека, управляющее его поступками, напутствующее его в продолжение всего земного пути... Судьба руководила и меня, она ограждала меня непроницаемым щитом, когда я с безумною дерзостью врубался в толпы диких наездников, стремглав кидался на своем бегуне с утесов в ярящиеся волны Терека, вскарабкивался на неприступные скалы, готовые рухнуть от малейшего потрясения... Судьба хранила меня, смерть бежала неутомимо преследовавшего ее несчастливца, пули визжали у самых ушей, шашки свистели перед глазами, и я оставался жив и невредим; и груди тел моих товарищей, через которые пробирался я, нанося смертоносные удары, ясно говорили мне об этой невидимой силе, с озлоблением разрушавшей все надежды, все желания ея гонимого: она завидовала даже моей смерти!..

Видя бесполезность своей дерзкой храбрости, я сделался рассудительнее; инстинктуальная привязанность к жизни заговорила во мне, и я стал снова дорожить жизнью – для чего – сам не знал я: мысли о счастье и не западало уж в мою голову; женщины не в силах были и на минуту возмутить мертвое спокойствие сердца; я смотрел с презрением и насмешкою на сети, в которые так легко ловили они неопытных, и с искусством старого моряка лавировал между подводными камнями кокетства и красоты...

Душа моя огрубела; мечты развеялись от порохового дыму; из пылкого фанталиста сделался я положительным человеком; все чувства сердца взвешивал на безмене рассудка, все лучшие верования души подводил под анализ сомнения, задушал их безжалостными логическими доводами и силлогизмами... Молодежь дичилась меня; женщины бегали как от чумы... Так прошло добрых полдюжины лет; я был уже в летах солидного человека.

Но мой злой гений, судьба, не дремал; он поджидал только минуты, в которую удар его был бы для меня чувствительнее... Поверите ли, я влюбился еще раз!.. После всего, бывшего со мною, после дорогих уроков, которые дали мне женщины, я, пошлый глупец, мог забыть прошедшее, мог усомниться в результатах, выведенных из тяжкого опыта, – я полюбил женщину!..

Моя храбрость, примерная исправность по службе и мой странный угрюмый характер привязали ко мне нашего нового полковника, переведенного из одного армейского полка, стоявшего в окрестностях Москвы... Старый служака был без ума от своей находки, не слышал во мне души, любил меня как сына, как брата. Я не оставался невнимателен к его ласкам и старался своими поступками сделаться достойным привязанности ко мне моего почтенного друга.

Полковник был женат; но жена его, по каким-то домашним обстоятельствам, не могла сопровождать его на место службы и должна была приехать к нам не раньше как через несколько месяцев. Полковник всегда с особенным удовольствием говорил о личных и душевных достоинствах своей Кати, и часто, увлекшись чувством, добрый

вещ в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov старик забывался, и слезы умиления смачивали его лицо, закоптелое в пороховом дыму. Он любил ее более как дочь, чем как жену, и ждал приезда ее с возрастающим нетерпением.

Наконец она приехала. В это время я был у него. Не стану описывать трогательной сцены свидания супругов, которая заставила меня еще раз признать в женщинах чувства, которым бы позавидовал любой мужчина. Катерина Ивановна с первой минуты нашего знакомства расположила меня в свою пользу. Она уважала своего мужа, и потому я, как лучший друг его, имел притязание на маленький уголок в ее сердце, и она уделила мне его: я получил позволение считать себя и ее другом.

Дружба между мужчиною и женщиною невозможна; что ни говорите мне напротив, я не отступлюсь от своего мнения. Пользуясь правом друга Катерины Ивановны, я позволил сердцу принять в этом деле маленькое участие: ведь и в дружбе нельзя же обойтись без согласия сердца! Ветреное, неудобоуздываемое, когда дашь ему хоть немножко воли, оно встрепенулось от долгого летаргического сна, засуетилось, заговорило; бывшее стало деяться с ним, в нем зародились по-прежнему и радости, и горести, и мечты... Я считал всё это за нежную дружбу и не принимал никаких мер против ослушника. Поздно увидел я свою опрометчивость; я разгадал это смутное чувство, когда уже невозможно обратиться к рассудку, когда пламень новой страсти с неудержимою яростью разливался по всему моему существу... Я любил жену своего друга!.. Совесть грызла меня, я не мог без внутреннего трепета смотреть в глаза моего благородного друга, я содрогался, как преступник, при каждом его слове; его ласки, его братское обхождение со мною были для меня ударами кинжала; я дичился его, бегал и решился во что бы то ни стало задушить преступную страсть и начал с того, что под различными предлогами не ходил к нему целую неделю... Что перенес я в продолжение этого времени, знаю я один; дни казались мне веками... Наконец страсть взяла свое: я не в силах был долее крепиться; любовь заглушила все другие чувствования, рассудок умолк, совесть уснула; я решился дружбу принести на жертву любви и отправился к полковнику... Он встретил меня с обыкновенного приятною; но дела по службе не позволяли ему оставаться со мною, и он ушел, препоручив жене занимать дорогого гостя. Его уверенность во мне, его благородство, его доброта разбудили на минуту голос совести, по один взгляд, одна улыбка Катерины Ивановны – и снова всё забыто, и я жадными глазами пожирал ее кроткое, милое лицо.

– – Вы, кажется, сегодня очень расстроены, – сказала она, с нежным участием устремив на мое бледное лицо прекрасные, томные глазки, – вы больны? Не правда ли? Грех таиться перед друзьями!

– – Нет, ничего, уверяю вас, ничего! – едва мог я выговорить от душевного волнения. – Не знаю; мне сегодня что-то особенно скучно – вот и всё.

– – Скучно? О чем вам скучать? уж не влюблены ли вы? – спросила она с ангельской улыбкою. – Но нет, этой беды с вами, верно, не случится. Не хотите ли сыграть со мною партию в шахматы; это, может быть, несколько развеселит вас, – и она придвинула ко мне шахматную доску. Не зная, что делать, я молча сел и стал расставлять шахматы. Она придвинула к столу кресло и села так близко ко мне, что платье ее касалось ног моих... Кровь кипела во мне, сердце готово было выпрыгнуть из груди, я был весь в огне и двигал шахматы наудачу, не в силах будучи принудить себя вникнуть в игру.

– – Помилуйте, кто так играет! – воскликнула она, переставляя на прежнее место моего слова. – Ну можно ли так ходить? Ведь вы сами поддаете мне вашего короля.

В это время рука ее коснулась моей; электрический удар пробежал по всему моему телу, и я, сам не знаю как, очутился перед нею на коленях с признанием на языке. Глаза ее загорелись негодованием, но не более как на одну секунду; лицо ее приняло прежнее выражение, и голосом, который не обнаруживал в ней ни малейшего волнения, "Послушайте! – сказала она. – Если бы женщина и захотела изменить своему мужу, вероятно она избрала бы для того человека, отличающегося красотой или по крайней мере умом, любезностью... Ну а вы..."

– – Не угодно ли продолжать! – прервал я ее, вне себя от стыда и смущения, и сел на прежнее место. – Шах королеве! – продолжал я, сам не зная, что говорю.

– – Мат королю! – отвечала она с тою же самою улыбкою, которая околдовала меня...

вещ в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov
В это время вошел полковник. "Что мило, то мило, - сказал он, подходя к жене и целуя ее в лоб, - благодарю за исправность!.. Эге, да, видно, женщины лучше нас, мужчин, умеют занимать, - продолжал он, смеясь и трепля меня по плечу, - пришел в чем душа: бледный, угрюмый; а теперь что твой маков цвет, - браво, браво!"

Я был ни жив ни мертв! но уйти не было никакой возможности; в голову не приходило никакого предлога, который я мог бы представить... Я просидел с ними весь вечер, - бесконечный, адский вечер, о котором и теперь не могу вспомнить без содрогания. Катерина Ивановна была мила и обходительна со мною, как и прежде, и это усиливало еще более мои мучения. Наконец, хвала аллаху, пытка кончилась; я вырвался на свободу с твердою решимостью никогда уже не переступить за порог этого дома. Но исполнить это намерение было не совсем-то легко; после различных попыток должен был я прибегнуть к последнему и единственному средству: рассориться с полковником. Скоро нашел я к тому удобный случай; и как но найти случая поссориться, когда того желаешь?.. Раздосадованный моим послушанием в каком-то его распоряжении по службе, он арестовал меня. Я с радостью ухватился за этот предлог к разрыву, и ни просьбы, ни убеждения полковника не могли помирить нас... Я перепросился в другой полк и с тех пор не видал ни полковника, ни жены его.

V

Рассказывать ли вам последнее мое несчастье? Я и то уж смешон в глазах ваших, а после его... Но я отрекся от всех высоких чувств души, отрекся от самолюбия, от гордости, любви и чести; я прикрыл свою седую голову дурацким колпаком Грациозо, и все лучшие воспоминания, все священнейшие движения души отдал на потеху людей. Мне ли после того бояться показаться смешным в глазах читателей?

Я проклинал женщин с их мишурною образованностию, с их гибельным кокетством; но сердце, неудовлетворенное взаимностию, требовало любви, и я решился искать ее в ауле мирных черкесов; я решился, в отмщение свету, не понявшему меня, не воздавшему должной справедливости моим талантам, полюбить дикарку без образования, без кокетства, но с сердцем, способным любить искреннее, бескорыстнее, пламеннее, чем сердце, принадлежащее ароматным существам большого света. Я решился полюбить, я искал любви, и потому не удивительно, что скоро желание мое увенчалось успехом: кошелек золота и несколько слов склонили на мою сторону одну старуху, мать той, на которую пал мой выбор. Излишне говорить, что она была красавица; во-первых, потому, что я выбрал ее из числа многих; во-вторых, что между черкешенками дурные лица такая же редкость, как между нашими дамами... как между нами, хотел я сказать, истинные красавцы. Я намеревался увезти ее, и старуха дала мне слово уговорить дочку и привести ее на условленное место, когда смеркнется. Я являюсь на место свидания, оставив в недалеком от себя расстоянии повозку, в которой намеревался увезти ее. Старуха не заставила себя долго дожидаться, и я уж заранее восхищался при мысли, что буду обладать сокровищем, которое она предательски передавала мне с рук на руки, как внезапный шум за соседнею скалою обратил на себя мое внимание. Не успел я еще собраться с духом, как увидел в нескольких шагах от себя брата красавицы и за ним несколько человек его товарищей, которые с громким гиком и ругательствами бросились на меня. Чувство самохранения заставило меня бросить свою добычу и прибегнуть к помощи ног.

За мной раздалось несколько выстрелов, и я ясно слышал шаги бегущих. Вне себя от страха, бежал я сломя голову и, благодаря темноте, успел благополучно добраться до своей повозки, прыгнул в нее с легкостью, какую придает нам близкая опасность, и погнал лошадей в хвост и в гриву. Впоследствии узнал я, что старуха обманула меня и, притворяясь, что согласна на мои предложения, уведомила обо всем своего сына.

Вот мои похождения - не правда ли, очень смешные? Я сам смеюсь, рассказывая их; смеюсь, по обязанности тут, хоть часто и сквозь слезы, но все-таки смеюсь. Пожалейте, добрые люди, жалкого Грациозо.

Комментарии

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1841, кн. 5, с. 69-82, без подписи, в оглавлении: "Рассказ ***".

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V.

век в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено на основании его письма от 18 июля 1841 г. к Ф. А. Кони, где он сообщал: "Оригинал для пятой книжки мною подобран и приготовлен. Сверх того, в нем пойдет моя повесть, которая будет более печатного листа..." (ПСС, т. IX, с. 22). Единственная повесть, напечатанная в No 5 "Пантеона", - "Несчастливцев в любви...", объем ее соответствует указанному в письме.

В. Е. Евгеньев-Максимов, анализируя этот рассказ в ряду произведений Некрасова о неудачниках, отмечал, однако, что он "...почти лишен социальной тенденции. Только первая неудача героя в любви явилась следствием его бедности..." (Евгеньев-Максимов, т. I, с. 272).

Нарочито ироническая интонация "Несчастливца в любви...", громоздкое заглавие, композиция, представляющая собой цепь отдельных новелл, позволяют рассматривать это произведение как пародийное по отношению к жанру авантюрной повести XVIII - начала XIX в.

С. 195. Грациозо (Gracioso) - прозвище комического персонажа испанской комедия, хитрого, забавного, притворно наивного (в нарицательном употреблении - шут, весельчак).

С. 195. Панар - Шарль Франсуа Панар (1694-1765) - французский лирик, автор многочисленных песен, а также эпитаграмм, комедий, водевилей и комических опер.

С. 198. ... губернский секретарь...- чиновник двенадцатого класса.

С. 198. ...люби меня идеально и не теряй надежды на соединение если не тут, то там!..- См. комментарий на с. 558.

С. 199. ...перед брачным налоем...- Налой (или аналой)-в православной церкви высокий покатым столик для книг и икон, перед которым совершался свадебный обряд.

С. 199. Томский (имя моего друга)...- Вероятно, имя друга главного героя выбрано не без влияния повести Пушкина "Пиковая дама".

С. 200. ...он был ~ рыцарем зеленого поля...- т. е. игроком в карты.

С. 208. ...я был уже прикован к ней неразрывной цепью страсти...- автопародийная реминисценция из стихотворения "Признание" (МЗ): "Я навек к тебе прикован цепью страсти роковой," (наст. изд., т. I, с. 266; указано в статье: Вацуру В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг.- РЛ, 1976, No 1, с. 140).

С. 209. Вы не поверите, если я скажу вам, что платок был причиной нового и едва ли не величайшего несчастья в моей жизни...- Вероятно, в пародийно-сниженном тоне Некрасов обыгрывает здесь деталь (платок), давшую развитие трагическому сюжету в драме Шекспира "Отелло".

С. 211. ...стремглав кидался на своем бегуне с утесов в ярящиеся волны Терека...- травестирирование сцены, популярной в романтической литературе 1830-х гг.: прыжок всадника на коне со скалы в бурную реку (Вацуру В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг, с. 139).

С. 215. ...я решился ~ полюбить дикарку...- В последней главке рассказа дается как бы ироническая вариация сюжета повести М. Ю. Лермонтова "Бэла".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

век в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо. Николай Алексеевич Некрасов nekrasov
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!